

УДК 94(47)"1990/...":069.5

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-138-151

Ссылка для цитирования: *Малинова О. Ю.* Приметы времени: память о массовой политике девяностых в экспозициях российских музеев // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 138–151.

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ: ПАМЯТЬ О МАССОВОЙ ПОЛИТИКЕ ДЕВЯНОСТЫХ В ЭКСПОЗИЦИЯХ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ¹

О. Ю. Малинова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

omalinova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2754-8055

ResearcherID: J-7893-2015

Scopus AuthorID: 22934758000

Статья посвящена формированию социальных и культурных паттернов памяти о начальном периоде постсоветских трансформаций в двух российских музеях политической истории. Проводится сравнительный анализ экспозиций Государственного центрального музея современной истории России в Москве (ГЦМСИР) и Музея Б. Н. Ельцина в Ельцин Центре (Екатеринбург) с фокусом на память о массовой политике девяностых. Сравнительный анализ предметов, репрезентирующих этот аспект недавней истории, дополнен наблюдениями, почерпнутыми из мемуаров современников. Это помогает реконструировать истории, триггерами которых могли бы стать музейные предметы, и позволяет обнаружить некоторые лакуны в музейных нарративах. Экспозиции ГЦМСИР и Музея Б. Н. Ельцина имеют очевидные различия, обусловленные их миссиями и развиваемыми ими историческими нарративами. ГЦМСИР предлагает более широкий спектр политических и социальных точек зрения, уделяя значительное внимание негативным аспектам опыта девяностых. Экспозиция Музея Ельцина сосредоточена на фигуре первого президента России, которого представляет лидером, принесшим свободу. В ней менее заметны голоса простых людей и больше подчеркиваются позитивные аспекты девяностых. При всех различиях своих концепций и очевидных идеологических уклонах экспозиции обоих музеев предлагают многомерный образ девяностых, насыщающий расхожие публичные нарративы забытыми деталями. Это особенно заметно в случае массовой политики, поскольку обе экспозиции рисуют картину политической свободы, несопоставимой с современными возможностями. В каждом из музеев есть не только экспонаты, демонстрирующие тяготы экономических реформ и негативные последствия политических катаклизмов, но и свидетельства массовой поддержки перемен, рассказы о новшествах, которые сегодня стали привычной рутинной, истории о новых возможностях.

Ключевые слова: культурная память, социальная память, память о девяностых, музеификация, массовая политика.

Введение

События начального периода постсоветских трансформаций в России находятся в серой зоне между историей и памятью. С одной стороны, они еще слишком свежи для профессионального исследования, и общественные представления о них формируются не столько историками, сколько политиками, мемуаристами, журналистами и кинематографистами. С другой стороны, вступают во взрослую жизнь поколения, которые помнят 1990-е гг. лишь по рассказам старших и информации, почерпнутой из вторичных источников. Исследования свидетельствуют о возрастающей роли культурных медиаторов: телевидения, фильмов, газет и журналов [Gorbachev, 2015; Синельникова, Зиновьева, 2018], а также социальных сетей [Makhortykh, 2021; Утехин, 2021] в формировании представлений об этом периоде. Сложился вполне узнаваемый смысловой репертуар образов, символов, нарративов, которые служат опорным каркасом «коллективной памяти» о «лихих девяностых», и это позволяет ставить вопрос об изучении истории формирования и особенностях функционирования этого репертуара.

В последние годы тема девяностых стала занимать более заметное место в исследованиях политики памяти в России. Не случайно в октябре 2021 г. состоялась первая научная конференция, целиком посвященная памяти об этом периоде [Миллер, Малинова, 2021]. Работы политологов убедительно показали, что тема девяностых играет существенную роль в легитимации современного политического режима и конструировании идентичностей политических партий и групп, возникших в ельцинский период [Малинова, 2018, 2019, 2020; Sharafutdinova, 2020a, 2020b; Malinova, 2021], а также в дискурсе РПЦ [Аникин, 2021]. Появились исследования постсоветской ностальгии, которые помогают понять механизмы трансформации общественных представлений о недавнем прошлом [Janack, 1999; Абрамов, Чистякова, 2012; Gorbachev, 2015; Boele, 2019; Утехин, 2021]. Есть работы о восприятии опыта девяностых в журналистском сообществе [Schimpfössl, Yablokov, 2017], об отражении этого периода в школьных учебниках [Суслов, Шульская, 2020], о трансформации художественных образов конца 1980-х – начала 1990-х гг. в современной массовой культуре [Энгстрем, 2021], о конструировании представлений о девяностых в Интернете, в частности – в социальных сетях [Мерзлякова, 2019; Утехин, 2021; Makhortykh, 2021]. Есть любопытное исследование А. Бонч-Осмоловской, проливающее свет на формирование клише «лихие девяностые» [Бонч-Осмоловская, 2018]. Как показали эти и другие работы, негативные представления о начальном этапе постсоветской трансформации, безусловно, преобладают в российском публичном пространстве, причем память о «лихих девяностых» опирается на сравнительно ограниченный репертуар узнаваемых сюжетов и образов. По данным социологов, та же тенденция наблюдается в массовом сознании [Латов, 2018; Гребень, Аганеева, 2020].

Хотя негативная оценка девяностых несомненно отражает жизненный опыт миллионов людей, реальность была очевидно сложнее. Теории коллективной памяти подсказывают объяснение этой избирательности памяти и забвения, утверждая, что представления о прошлом опираются на символы и нарративы, доступные в публичном пространстве, и зависят от социальных средств их сохранения и передачи [Irwin-Zarecka, 1994; Smith, 2002; Wertsch, 2002 и др.]. Это побуждает сосредоточить внимание на том, что Джеффри Олик назвал *collective memory*, т.е. на формировании социальных и культурных паттернов публичной и персональной памяти, в отличие от *collected memory*, как агрегированных индивидуальных памятей членов группы [Olick, 1999, с. 333].

Один из социальных институтов, формирующих такие паттерны, – музеи. Создателям экспозиций, посвященных постсоветскому периоду, приходится работать на стыке профессиональной истории и памяти. В отсутствие фундаментальных исторических трудов им нередко приходится полагаться на собственные научные изыскания. Вместе с тем, отбирая артефакты, репрезентирующие историю данного периода, они ориентируются на сложившиеся мнемонические дискурсы и отчасти – на собственные воспоминания. Выделяя приметы времени и связывая их в нарративы, музейные работники участвуют в формировании символического репертуара, на который опирается память современников. Каким образом музеи развивают и дополняют соперничающие нарративы о девяностых?

В этой статье представлен сравнительный анализ двух опытов музеефикации девяностых – основной экспозиции Государственного центрального музея современной истории России в Москве (ГЦМСИР)² и Музея Б. Н. Ельцина в Ельцин Центре (Екатеринбург)³. Вместе с тем там, где это уместно, анализ дополнен наблюдениями по другим известным автору экспозициям.

Первый из выбранных музеев – преемник бывшего Музея революции, который один из исследователей назвал основоположником «гегемонистской версии “коммунистических музеев”» [Norris, 2020, с. 4]. В годы перестройки музей активно участвовал в освещении «новых тем в истории России» организацией выставок, а с 1990-х гг. он стал музеем истории России XIX–XXI вв.⁴, с очевидным упором на политическую историю. В середине 2010-х гг., в период пребывания на посту министра культуры В. Мединского, была принята специальная концепция развития ГЦМСИР, позиционирующая его как главный музей новейшей российской истории и многофункциональный музейный комплекс. В 2016 г. была открыта экспозиция «Россия. XXI век: вызовы времени и приоритеты развития», посвященная путинскому периоду. Ей предшествуют залы, рассказывающие о перестройке и начале постсоветского периода, экспозиции которых были в основном сформированы до 2016 г.

Музей Бориса Ельцина, посвященный современной политической истории России и личности Ельцина, открылся в Екатеринбурге в 2015 г. Он является ядром Ельцин Центра, созданного под эгидой фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» (Ельцин Центр) – государственной некоммерческой организации. Основным источником финансирования музея является федеральный бюджет, однако к ведению Министерства культуры он не относится. Экспозиция Музея Ельцина начинается с «Лабиринта российской истории», который сжато представляет историю страны с 1914 по 1987 г. и историю семьи Ельциных, и заканчивается отставкой Ельцина 31 декабря 1999 г. Таким образом, оба музея рассматривают историю постсоветской России в более широком историко-политическом контексте, причем их нарративы имеют разные начальные и конечные точки и разные смысловые акценты.

Не претендуя на всесторонний анализ нарративов двух экспозиций, сосредоточим внимание на одном существенном аспекте общественной жизни того периода – на том, что политологи называют массовой, или протестной, политикой. На конец 1980-х – начало 1990-х гг. пришелся пик массового участия в политике, проявившегося не только в многотысячных митингах и демонстрациях, но и в разных формах политического активизма. Некоторые из активистов той поры в дальнейшем сделали успешные политические карьеры. Однако этот аспект истории девяностых не играет заметной роли в нарративах политиков [Малинова, 2018, 2019, 2020] и основательно забыт на уровне массового сознания. Опрос, проведенный в марте 2020 г. Левада-Центром⁵, показывает, что респонденты легко переносят общую негативную оценку девяностых на возможности политического участия. Отвечая на вопрос: «Как вам кажется, по сравнению с тем, что было в девяностых, сейчас стало легче или труднее свободно решать, участвовать или нет в политической жизни?», 51 % опрошенных утверждали, что сейчас стало намного или несколько легче, 14 % – что стало намного или несколько труднее, 23 % – что осталось так же, и 13 % затруднились ответить [Гребень, Агапеева, 2020]. Эти ответы очевидно расходятся с профессиональными оценками динамики политического режима в России.

Каким образом опыт массовой политики девяностых представлен в музейных экспозициях? Что посетители могут вспомнить или узнать, разглядывая выставленные в них артефакты? Ответы на эти вопросы мы попытались представить в настоящей работе.

Теоретическая рамка и методология исследования

Музейные экспозиции, посвященные событиям недавнего прошлого, требуют особого исследовательского подхода. В литературе по *memory studies* принято различать культурную и коммуникативную память [Assmann, 2008]. По словам Алейды Ассман, «есть отчетливое различие между материальными носителями, с одной стороны, и живыми воспоминаниями, с другой, ибо последние... могут сохраняться только посредством живого общения» [Ассман, 2014, с. 53]. Она представляет музеи, архивы и научные библиотеки как культурные институты, «где общество хранит реликты и следы прошлого после того, как они теряют живую связь со своими прежними контекстами. Выпадая из прежнего функционального контекста, они становятся безмолвными свидетелями прошлого, которое подлежит новому толкованию со стороны экспертов» [Там же, с. 54]. Музейные экспозиции о девяностых тоже являются результатами отбора «реликтов прошлого», заслуживающих сохранения. Однако для установления связи между культурной и живой памятью здесь не обязательно требуется экспертное опосредование, ибо музейные экспонаты могут стимулировать воспоминания, связанные с личным опытом. Изучая музеефикацию недавнего прошлого, исследователь имеет дело с мнемоническими процессами на стыке культурной, индивидуальной и коммуникативной памяти.

С учетом этого обстоятельства в настоящем исследовании основной упор сделан не столько на общей логике музейных нарративов, сколько на представленных в их экспозициях предметах. По замечанию Я. Ассманна, «применительно к вещам... термин “память” не метафора, а метонимия, основанная на материальном контакте между воспоминающим сознанием и напоминающим объектом» [Assmann, 2008, p. 111]. Вещи в витринах музеев пробуждают личные воспоминания, насыщая живую коммуникацию о недавнем прошлом забытыми образами и сюжетами. Таким образом, они выступают триггерами индивидуальной и коммуникативной памяти. Хотя в современных музеях используются разные способы рассказа о прошлом и оригинальные артефакты в витринах соседствуют с техническими приспособлениями, вовлекающими посетителей в интерактивную коммуникацию, музеи все же остаются «постоянно нахо-

дящимися в становлении институтами, сформированными динамическими взаимодействиями людей с объектами» [Bell, 2012, p. 72]. Исходя из этих теоретических предположений, в ходе изучения экспозиций основной упор был сделан на предметах, отобранных для рассказа о девяностых. На основе сформированного при посещении музеев фотоархива было сделано типологическое описание, которое послужило основой для представленного ниже сравнительного анализа. Хотя такая организация исследования имеет очевидные ограничения, оставляя за рамками анализа видеоматериалы и информацию, представленную на интерактивных экранах, она позволяет выделить общее и особенное в подходах к отбору «реликтов прошлого».

Исследование фокусировалась на событиях, происходивших в России в 1990-х гг., хотя четко выделить выбранные границы не всегда возможно, так как опыт массовой политики берет начало в конце 1980-х гг. и до распада СССР российские политические арены были неотделимы от союзного контекста.

Исторические музеи по определению являются местами памяти и в материальном, и в функциональном, и в символическом смысле. Их предназначение совпадает с фундаментальной целью мест памяти – «остановить время, помешать забвению, зафиксировать состояние вещей, материализовать нематериальное, чтобы охватить как можно больше смыслов как можно меньшим количеством знаков» [Nora, 1996, p. 15]. Прочитывая знаки, зафиксированные создателями экспозиции, посетители вовлекаются в работу памяти, которая может генерировать новые смыслы. Однако исследовать функционирование музеев как мест памяти чрезвычайно сложно. Анализ экспозиции, проделанный исследователем, не может раскрыть весь спектр возможных смысловых ассоциаций. Наблюдения за посетителями музеев и глубинные интервью, вероятно, могли бы дать больше пищи для анализа, однако ограничения, связанные с пандемией COVID-19, не позволили прибегнуть к этому методу сбора данных. Чтобы частично восполнить этот недостаток, анализ был дополнен наблюдениями, почерпнутыми из мемуаров «рядовых» современников. Воспоминания, которые могли бы ассоциироваться с вещами из музейных экспозиций, были отобраны путем поиска по ключевым словам в двух коллекциях – банке мемуаров, собранных в рамках проекта «Пишем историю сами», осуществляемого фондом «Индем» и Ельцин Центром⁶, и двухтомнике «Были 90-х», составленном известной писательницей А. Марининой и изданном «ЭКСМО-пресс» [Были 90-х, 2017, 2018]. Соответствия нашлись не для всех категорий музейных предметов. Однако там, где они обнаружили, истории, рассказанные мемуаристами, помогают реконструировать воспоминания, предположительными триггерами которых могли бы стать музейные артефакты, и одновременно – обнаружить некоторые лакуны и несоответствия в последних.

Память о массовой политике девяностых: сравнительный анализ предметов, представленных в двух музейных экспозициях

Экспозиции обоих рассматриваемых музеев сфокусированы на истории политических процессов в СССР и РФ. При этом ГЦМСИР, следуя логике официального исторического нарратива [Малинова, 2016], рассматривает девяностые как драматический эпизод «тысячелетнего» прошлого Российского государства, тогда как Музей Ельцина представляет этот период как кульминацию многовековой борьбы за свободу. Этот нарратив наглядно представлен в девятиминутном мультфильме, который посетителям предлагают посмотреть в начале осмотра, на входе в «Лабиринт истории». Однако было бы неправильно объяснять различия двух музейных экспозиций исключительно общей логикой их нарративов. При сравнении музеев необходимо принимать во внимание их миссии (ГЦМСИР рассказывает о современной отечественной истории, в то время как Музей Ельцина сосредоточен на фигуре первого российского президента), размеры экспозиций (в Музее Ельцина интересующему нас периоду посвящено семь залов, представляющих семь дней из жизни президента, а в ГЦМСИР – два зала) и особенности формирования их коллекций. У бывшего Музея революции, трансформация которого под новую миссию происходила в 1990-х гг., было больше возможностей собирать артефакты, связанные с текущими политическими процессами, нежели у Музея Ельцина, открывшегося в 2015 г. При всем при том в отборе «примет времени» для двух экспозиций обнаруживается немало общего.

Так, оба музея используют типичные артефакты для воссоздания атмосферы *мест исторических событий*. Этот прием особенно бросается в глаза в Музее Ельцина: его посетители попадают то в троллейбус, в который, по легенде, заходил Ельцин, будучи секретарем москов-

ского горкома КПСС, то в типичную квартиру с телевизором, транслирующим «Лебединое озеро» (эта часть экспозиции рассказывает о 19 августа 1991 г.), то в магазин с пустыми полками. Одна из этих реконструкций – баррикада у Белого дома в августе 1991 г. – имеет непосредственное отношение к теме массовой политики, причем «на баррикаду» ведет дверь из типичной комнаты позднесоветских времен, с мебельной стенкой, телевизором и журнальным столиком, на котором лежат газеты «Куранты» и «Аргументы и факты». Предметы комнаты узнаваемы для посетителей, живших в позднем СССР, ибо в ней представлены скромные предметы массового престижного потребления, которые были у многих. Разумеется, далеко не все обитатели подобных комнат шли «на баррикады», но тот или иной опыт участия в массовой политике в тот период приобрели многие. Примечательно, что и в меньшей по площади экспозиции ГЦМСИР тоже есть фрагмент баррикады у Дома Советов Российской Федерации (Белого дома), помещенный в специальную витрину. Присутствие граждан на площади у Белого дома 19–21 августа 1991 г., ставшее решающим фактором неудачи государственного переворота ГКЧП, в обеих экспозициях представляется наиболее драматическим моментом борьбы за демократию.

Другой типичный прием «материализации» прошлого – включение в экспозицию *личных вещей* участников событий. С одной стороны, в обоих музеях экспонируются личные вещи политиков: в ГЦМСИР есть витрина с «персональными комплексами материалов» премьер-министров В. Черномырдина, Е. Примакова, а также заместителя председателя правительства Б. Немцова, в Музее Ельцина есть предметы обстановки из дома Ельциных и некоторые личные вещи Бориса Николаевича. Предметы, рассказывающие о политиках 90-х, – характерная часть экспозиций и других музеев политической истории. Например, в петербургском Государственном музее политической истории (тоже бывшем Музее революции) экспонируются личные вещи А. Собчака, Е. Гайдара и Г. Старовойтовой; в Музее становления демократии в современной России им. А. Собчака на Невском проспекте – большая коллекция личных вещей А. Собчака, включая пиджак, в котором он принимал присягу в качестве мэра Санкт-Петербурга, и коллекцию мантий зарубежных университетов, в которые он избирался почетным профессором. Эти предметы как бы помогают сократить дистанцию между посетителями и политическими лидерами, которые знакомы большинству простых граждан лишь по изображению на телеэкране.

С другой стороны, в экспозициях есть вещи, принадлежавшие рядовым участникам политических процессов девяностых. В Музее Ельцина их набор ограничен личными вещами погибших в августе 1991 г. защитников Белого дома: Ильи Кричевского, Владимира Усова и Дмитрия Комаря. В экспозиции же ГЦМСИР коллекция таких предметов более разнообразна: помимо личных вещей защитников Белого дома в августе 1991 г., и предметов, которыми москвичи почтили их память на месте гибели, в ней есть кастрюля и ложка участника «Марша голодных очередей» в декабре 1991 г., личные вещи и снаряжение защитников Белого дома в октябре 1993 г., а также вещи, найденные на месте домов на Каширском шоссе и улице Гурьянова, взорванных террористами в сентябре 1999 г. Эти предметы помогают увидеть политическую историю девяностых через личные истории людей.

Следующий широко используемый тип экспонатов – *документы*. Их можно разделить на две категории: документы власти и документы граждан. Первые представлены в обеих экспозициях в широком ассортименте. В некоторых случаях это оригиналы. Так, в ГЦМСИР есть машинописный экземпляр выступления Ельцина о суверенитете, состоявшегося на I Съезде народных депутатов России, с его рукописными вставками, а в Музее Ельцина – рукописный текст знаменитого выступления на октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1987 г., ставшего причиной опалы бывшего секретаря московского горкома. Однако чаще это официальные тексты нормативных актов. В обеих экспозициях они являются частью рассказов о свободе торговли и связанных с нею новых массовых практиках, о распаде СССР и создании СНГ, о политическом кризисе 1993 г. В Музее Ельцина на стекле витрины воспроизводится Указ президента о порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетов, предписывающий впредь до урегулирования законом РФ исходить из положений Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой ВС РСФСР 2 ноября 1991 г. Он служит важным пояснением к фотографиям с митингов оппозиции, фигурирующих в последующей части экспозиции, и вместе с тем – очевидным контрастом к правилам, действующим в современной России.

Меньше представлены документы граждан, хотя некоторые из таких документов весьма красноречивы. Так, в ГЦМСИР выставлены телеграммы, адресованные Съезду народных депутатов РСФСР. Одна из них, датированная 12 декабря 1991 г., осуждает Беловежские соглашения, другая, посланная в декабре 1992 г., призывает обязать правительство вернуть трудовые сбережения населения и повернуть реформы в пользу трудового народа. Эти документы – свидетельство трагического перелома в массовой политике 1990-х: их авторы воспринимают Съезд как демократический институт, на решение которого они могут повлиять, транслируя свое мнение, однако в условиях начавшейся перегруппировки власти и не сложившейся представительной демократии рассчитывать на эффективную обратную связь уже не приходилось. Справка о смерти и накладная о доставке гроба с телом, выставленные в витрине, посвященной Первой чеченской войне, связывает политическое событие с трагедией конкретной семьи. В экспозиции Музея Ельцина такого рода документов нет. Это не значит, что обозначенные выше болезненные темы в экспозиции не затрагиваются, просто для их освещения используются другие приемы: информационные стенды, фотографии, интервью и видеозаписи на интерактивных экранах и т.п. Пожалуй, единственным сугубо личным документом можно считать копию письма знаменитого музыканта М. Ростроповича, написанного Ельцину в феврале 1992 г., в котором он вспоминает о защите Белого дома в августе 1991 г.

Если личные вещи и документы – способ предложить посетителям музея историю «из первых рук», то включение в экспозицию типичных предметов – это возможность погрузить их в атмосферу времени. В обеих экспозициях можно обнаружить вещи, которые широко использовались в девяностых. Некоторые из них связаны с массовым участием в политике. Так, в обоих музеях широко представлены *листовки, плакаты и другие агитационные материалы*, связанные с борьбой за демократические и рыночные реформы, а также с выборами и референдумами. *Листовки* были важной частью массовой политики начала девяностых: их размножали разными доступными способами, в том числе на пишущих машинках, и распространяли своими силами, нередко с помощью друзей и родственников. В отличие от современных политических кампаний, организуемых политтехнологами на коммерческой основе, в те времена подготовка и распространение агитационных материалов были формой массового участия в политике. По воспоминаниям Ю. В. Власова, баллотировавшегося в 1990 г. депутатом Владимирского областного совета, «тогда еще считалось неприличным использовать на выборах разные “грязные” технологии, поэтому, помимо выступлений, мы лично прошли по домам, раскидали в ящики листовки, которые также печатали сами» [Власов].

Особенно ярко роль листовок как способа информирования проявилась в дни августовских событий 1991 г., когда члены ГКЧП взяли под контроль московскую прессу, теле- и радиокomпании. Как запомнилось многим современникам, 19 августа с утра (по московскому времени) по всем каналам шел балет «Лебединое озеро». Это обстоятельство внушало тревогу, поскольку подобный способ заполнения сетки телепередач использовался в дни траура по трем генеральным секретарям КПСС: Л. И. Брежневу, Ю. А. Андропову и К. У. Черненко. Информация из Белого дома, ставшего центром сопротивления ГКЧП, распространялась разными способами и тиражировалась на местах с помощью листовок, передавалась разными способами. И. А. Чернова из Серпухова вспоминает, как, приехав в Москву, она с коллегой смогли записать на диктофон знаменитую речь Ельцина, произнесенную с танка. По возвращении в Серпухов они принялись готовить листовки с расшифровкой этой речи и пересказом полученных в Белом доме указов российских властей на стареньком копировальном аппарате [Чернова]. Судя по материалам проекта «Пишем историю сами», во время августовских событий 1991 г. в производство и распространение листовок с текстами указов российских властей и информацией из Белого дома были вовлечены люди из разных городов: подобные воспоминания оставили мемуаристы из Новосибирска, Серпухова, Уфы, Владимира и др.

Листовки рассматривались как важное политическое оружие. М. М. Яндиев вспоминает, как во время выборов президента РСФСР в 1991 г., обнаружив, что все агитационные материалы Ельцина, выделенные по квоте для Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, забрали представители из Северной Осетии, он на свои средства купил около 450 кг печатной продукции и с помощью единомышленников организовал их распространение по всей Чечено-Ингушетии. Он с гордостью отмечал, что в Чечне за Ельцина проголосовало около 80 % избирателей, а в Ингушетии – 97 % [Яндиев].

Позже, в 1995 г., когда на выборах в Государственную Думу стали использоваться «грязные» технологии, листовки стали инструментом распространения дезинформации. Активистка «ДемРоссии» из Новосибирска в своих мемуарах описывает почти детективную историю о том, как они боролись с листовками недобросовестного оппонента. Она же вспоминает, как они с вертолета разбрасывали листовки своего кандидата по райцентрам Новосибирской области [Лесневская, гл. 16].

Экспозиция ГЦМСИР отражается большим разнообразием тематики агитационных материалов, поскольку в нее включены листовки и плакаты не только «демократов», но и оппозиции. В Музее Ельцина тема оппозиции реформам тоже затрагивается, но представлена она не плакатами и листовками, а несколькими фотографиями с митингов оппозиции. Здесь проявляется очевидное различие акцентов в нарративах этих музеев.

В обеих экспозициях особенно ярко представлена наглядная агитация к референдуму 25 апреля 1993 г., который был одним из эпизодов борьбы между Ельциным и Верховным советом, завершившейся драматическими событиями октября 1993 г. Напомню, что в качестве компромисса стороны согласились на референдум с четырьмя вопросами: 1) доверяете ли вы президенту РФ Б. Н. Ельцину?; 2) одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом РФ и Правительством РФ с 1992 г.?; 3) считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ?; 4) считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ? «Демократическая» общественность вела агрессивную кампанию, призывая голосовать «Да – Да – Нет – Да». Листовки и плакаты этой кампании можно обнаружить во многих музеях, но только те, что предлагались сторонниками Ельцина. Однако, как свидетельствуют воспоминания, была агитация и за иные варианты голосования, а также за расширение повестки референдума. Так, О. В. Лесневская вспоминает, что в Новосибирске велась борьба за дополнение федерального референдума региональным, с вопросом о выборах губернатора; кроме того, ее босс, народный депутат РСФСР А. П. Мананников, вел кампанию за четыре «да» [Лесневская, гл. 8].

В Музее Ельцина также обильно представлены агитационные материалы президентской избирательной кампании 1996 г. Они используются для рассказа об избирательных технологиях как о новом явлении. Появление таких технологий внесло перемены не только в практику проведения выборов, но и в массовую политику: как свидетельствуют воспоминания, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. добровольное участие в политической агитации было делом не только массовым, но и весьма творческим. К середине 1990-х гг. все изменилось: с одной стороны, в силу разных причин, включая и экономические, массовый интерес к политике пошел на спад; с другой стороны, политика профессионализировалась, на смену активистам-энтузиастам пришли политтехнологи. Среди агитационных материалов 1996 г. есть примечательный плакат из серии «Будем вместе. Мы за Ельцина». На плакаты этой серии помещали фотографии известных людей с текстами их призывов голосовать за Ельцина. Среди них есть и фото Никиты Михалкова со словами: «За Ельциным нет партий. За ним Россия. Я за Россию, а значит, за Ельцина». Этот экспонат примечателен, поскольку в 2016 г., вскоре после открытия Ельцин Центра, Михалков на парламентских слушаниях в Совете Федерации высказался о музее весьма критически. По его словам, «в Екатеринбурге существует центр, в котором осуществляют ежедневные инъекции разрушения самосознания людей. Реализуется мощнейшая программа, которая практически разрушает реальное представление людей о том, что такое история России» [Никита Михалков..., 2016]. Плакат, размещенный в экспозиции музея, иронично напоминает об эволюции политических взглядов автора этих филиппик.

В экспозициях обоих музеев настоящие плакаты и листовки перекликаются с фотографиями митингов и пикетов, участники которых держат самодельные транспаранты. Их тексты напоминают о быстро менявшейся политической повестке начала 1990-х гг., а также о том, как «демократы», оказавшись в результате августовских событий 1991 г. у власти, столкнулись не только с нелегкой задачей реформирования разваливающейся экономики в распадающемся государстве, но и с массовой оппозицией этим реформам. В Музее Ельцина есть фотографии не только «демократических» митингов 1990–1991 гг., но и митингов «непримиримой оппозиции» в 1992–1995 гг. Их участники демонстрируют плакаты: «Долой космические цены на масло и мясопродукты!», «Русские, объединяйтесь! Сионизм не пройдет», «Приватизаторов в Изра-

иль!». В экспозиции ГЦСМИР, помимо уже описанных предметов, иллюстрирующих митинги оппозиции реформам, есть и фотографии шествия оппозиции в центре Москвы 1 мая 1995 г., а также митинга вблизи Кремля, на Васильевском спуске 27 марта 1997 г. Они свидетельствуют о массовом протесте против политики реформаторов. Действительно, массовая политика второй половины 1990-х гг. была преимущественно оппозиционной. Но вместе с тем эти кадры говорят и о степени политических свобод, несопоставимых с ограничениями, действующими в России в настоящее время.

В обоих музеях вещи девяностых представлены также *средствами связи и оргтехникой*. Для молодых посетителей эти экспонаты могут быть любопытны в качестве свидетельства появления и стремительной эволюции предметов и практик, которые сегодня стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Неслучайно добрая половина роликов уже упоминавшегося мультимедийного проекта ГЦСМИР «Такие 90-е. Массовая культура и повседневная жизнь в 1990-х» посвящены именно этим сюжетам: они рассказывают о гаджетах, компьютерных играх, Интернете и телевидении девяностых, сравнивая их с тем, что есть сейчас. Экспонаты такого рода, как пейджеры, первые мобильные телефоны, компьютеры, есть в обеих экспозициях.

Тема средств связи и коммуникаций играет существенную роль в воспоминаниях о событиях августа 1991 г.: многие мемуаристы пишут об информационном вакууме тех дней, который кажется удивительным по сравнению с современными возможностями, возникшими благодаря сотовой связи. Своеобразным символом этого вакуума является телевизор, транслирующий «Лебединое озеро» (он есть в экспозиции не только Музея Ельцина, но и Государственного музея политической истории в Санкт-Петербурге). Меньше помнится, что многие современники получили информацию о происходившем в Москве не по телевизору, а по радио, поскольку события происходили в пору летних отпусков. Кто-то успел услышать передачу «Эха Москвы»⁷, кто-то ловил «вражьи голоса» (зарубежные радиостанции)⁸. В обоих музеях есть экспонаты, напоминающие о роли радио в те августовские дни: в ГЦСМИР имеется уникальный телевизионный приемник, переделанный в радиостанцию в дни путча (с помощью этого прибора в эфир направлялась информация о деятельности штаба обороны Белого дома), в Музее Ельцина – радиоприемник «Сокол» с гравировкой: «19–22 августа 1991 г. Свобода. Демократия. Россия», купленный сотрудником ГУВД Москвы в дни путча, чтобы восполнить возникший информационный вакуум.

История оргтехники также связана с историей массовой политики. В рассматриваемых экспозициях эта тема не затрагивается (в музее Ельцина персональный компьютер, принтер и факс помещены в часть экспозиции, рассказывающей о выборах 1996 г.), а в экспозиции петербургского Музея политической истории компьютерная клавиатура, мышь и дискеты середины 1990-х гг. помещены в небольшую витрину с пояснением: «Распространение персональных компьютеров способствовало росту политической активности российских граждан. Компьютеры и множительная техника позволили самостоятельно, быстро и относительно недорого создавать и тиражировать в больших количествах всевозможные агитационные материалы – листовки, буклеты, брошюры и др.»⁹. Это наблюдение подкрепляется и примерами из воспоминаний. Д. Л. Коган вспоминает, как во время октябрьского кризиса 1993 г. один его приятель, работавший в Мосгордуме на технической должности, вывез с работы компьютеры, чтобы они не достались сторонникам Ельцина [Коган].

Во второй половине 1990-х гг. несомненной приметой времени стали новые мобильные средства связи – *пейджеры* и *мобильные телефоны*. Считается, что даже в 1998–1999 гг. они были доступны главным образом политикам, бандитам и олигархам, хотя есть воспоминания про покупку первых сотовых простыми людьми в те же годы [Были 90-х, 2018, 147]. Экспозиция Музея Ельцина подкрепляет мнение о том, что «мобильных телефонов в 1995 году было на всю страну тогда два – у Ельцина и у Березовского» [Болотников]: чудесные новинки представлены в ней пейджером В. Юмашева, которым он пользовался во время работы в предвыборном штабе Ельцина 1996 г. и мобильным телефоном члена этого штаба, дочери Б. Ельцина Т. Дьяченко. А в экспозиции ГЦСМИР мобильный телефон Ericson, датированный 1996 г., фигурирует как примета перемен, происходивших в девяностых.

Еще одна тема, затрагиваемая обеими экспозициями, – *государственная символика*, в частности – *флаги*. Они являются важными свидетельствами политических перемен. Движение за замену сине-красного флага РСФСР имперским триколором, происхождение которого историки связывают с Петром I (или даже с Алексеем Михайловичем), началось в контексте движения за суверенитет союзных республик. Принятие окончательного официального решения растянулось до 2000 г., но, как свидетельствуют воспоминания участников массовой политики, уже в 1990 г. триколор использовался на митингах «Демократической России». Трехцветные флаги для митингов шили сами. И. А. Чернова вспоминает, как в 1990 г. на митинге в Серпухове С. А. Ковалев и В. П. Лукин произносили речи с кузова грузовика, на котором «красовался сшитый нами российский триколор». А в августе 1991 г. тот же самодельный флаг подняли над зданием серпуховского исполкома, «на день раньше, чем в Москве» [Чернова]. Но на каком-то этапе, видимо, было налажено и производство новой символики. А. И. Сорокин вспоминает, как в 1990 г. на митинге он купил первый российский флажок: «Он жив до сих пор. Палочка сделана из легкого металла, явно на каком-то военном заводе. Именно по этой палочке и можно сейчас узнать людей, которые тогда выходили на площадь. Я не так давно такую пару встретил. И как в фильме “Холодное лето 1953” бывшие зеки узнают друг друга на московской улице по фанерным чемоданчикам, так и мы опознали единомышленников, узнали и улыбнулись» [Сорокин].

В 1991 г. триколор стал символом победы демократических сил, и 22 августа 1991 г. было издано постановление Верховного Совета РСФСР, впредь до принятия специального закона признававшее триколор официальным национальным флагом Российской Федерации. После вступления в силу Беловежских соглашений триколор заменил флаги СССР. В экспозиции ГЦМСИР есть триколор с баррикады на Горбатом мосту в августе 1991 г. и флаг СССР, спущенный с Останкинской телебашни 25 декабря 1991 г. В экспозиции Музея Ельцина есть государственный флаг РФ, поднятый тогда же над Кремлем, а также специальный стенд «Новый облик России», рассказывающий о замене советской символики новыми государственными символами, а также о возвращении исторических названий городам, переименованным советской властью.

История с флагами имела любопытные и даже забавные проекции в личной памяти современников. В двухтомнике «Были 90-х» есть воспоминания Л. М. Астрелиной из Перми о том, как в 1990 г. (видимо, так, т.е. еще до распада СССР), в пору тотального дефицита товаров, в каком-то дальнем леспромхозе они обнаружили несколько коробок с флагами СССР, крепдешиновыми, сатиновыми и нейлоновыми. Это навело мемуаристку на мысль «за три копейки купить несколько десятков метров высококачественного материала, которого нет в магазине». Из крепдешиновых флагов они начали шить модные юбки на продажу, из нейлоновых – спортивные костюмы, с подкладкой на сатине. Этот рассказ автор завершает словами: «Сейчас думаю, стыдно это или нет за то, что мы делали? Дали вторую жизнь символу страны, ведь первую не мы уничтожили» [Были 90-х, 2017, с. 147–148]. Этот рассказ – прекрасное подтверждение того, сколь разными могут быть личные истории, о которых напоминают помещенные в музей «реликты прошлого».

Заключение

Две экспозиции, рассмотренные в настоящей статье, имеют очевидные различия, которые связаны не только с их миссиями (ГЦМСИР рассказывает о современной отечественной истории, Музей Ельцина – о фигуре первого президента России), но и с общей логикой их нарративов. Экспозиция ГЦМСИР отражает более широкий спектр человеческих перспектив и вместе с тем делает явный упор на проблемные стороны девяностых¹⁰. Поскольку она продолжается залом, посвященным путинскому периоду, есть основания утверждать, что ГЦМСИР воспроизводит легитимирующий нарратив о преодолении трудностей девяностых и обретении стабильности. Однако репертуар вещей, собранных в этой экспозиции, позволяет сконструировать и более сложные нарративы, отражающие разные жизненные траектории. Экспозиция музея Ельцина сосредоточена на роли первого президента как политика, принесшего России свободу; она не игнорирует, но и не подчеркивает негативные аспекты опыта девяностых. При этом в силу фокуса на фигуре Ельцина она в меньшей степени отражает голоса простых людей – таковые фигурируют главным образом в качестве поддерживающих лидера народа.

При всех различиях своих концепций и очевидных идеологических уклонах экспозиции обоих музеев предлагают существенно более широкий спектр сюжетов, связанных с историей девяностых, нежели тот набор, который эксплуатируется в политических дискурсах. В каждом из музеев есть не только экспонаты, демонстрирующие тяготы экономических реформ и негативные последствия политических катаклизмов, но и свидетельства массовой поддержки перемен, рассказы о новшествах, которые сегодня стали привычной рутинной историей о новых возможностях. К ним относятся и сюжеты, связанные с массовой политикой: они наглядно демонстрируют уровень свободы слова, собраний и политических ассоциаций, а также политического плюрализма, несопоставимый с реалиями современной России. Таким образом, обе музейные экспозиции предлагают объемный образ девяностых, корректирующий плоские нарративы, пользующиеся популярностью у политиков.

Примечания

¹ Исследование проводится при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Мультимедийные проекты музея, доступные в Интернете, в частности проект «Такие 90-е (14+). Массовая культура и повседневная жизнь в 1990-х», подготовленный музеем к 30-летию августовского путча 1991 г., требуют самостоятельного анализа.

³ Анализ проводился на основании фотоархива автора. Дата посещения ГЦМСИР – 17.11.2021, даты посещения Музея Ельцина – 23.03.2017, 12.12.2019, 15.10.2021.

⁴ Об изменении экспозиции ГЦМСИР см. [Khazanov, 2000, с. 46–50].

⁵ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов, финансируемых из-за рубежа.

⁶ Пишем историю сами. Современная история в воспоминаниях очевидцев и участников событий. URL: <https://memory.history90.ru/>.

⁷ Е. А. Мишина вспоминает, как, пытаясь поймать музыкальную программу возле палатки на берегу моря в Крыму, случайно услышала голос Венедиктова, говорившего про какое-то ГКЧП и танки на улицах Москвы: «Мне удалось поймать “Эхо” совсем незадолго до того, как вещание было прервано, но этих нескольких минут было достаточно, чтобы услышать про переворот, танки и введение чрезвычайного положения» [Мишина].

⁸ Д. Л. Коган вспоминает, как, добравшись до Белого дома 19 августа 1991 г., он обнаружил там людей, которые «стояли небольшими группами, слушали через маленькие транзисторные приемники “Голос Америки”, и картина понемногу начала проясняться» [Коган].

⁹ По материалам фотоархива автора, дата посещения музея – 27.06.2021.

¹⁰ А. М. Хазанов отмечал эту тенденцию уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [Khazanov, 2000].

Библиографический список

Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. Т. 6, № 1. С. 52–58.

Аникин Д.А. Точка (не)возврата: распад СССР и становление новой России в мемориальном дискурсе РПЦ // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 3. С. 27–35.

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Болотников В. Мои 90-е [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/117> (дата обращения: 16.05.2022).

Бонч-Осмоловская А. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти // Шаги – Steps. 2018. № 4 (3-4). С. 115–146.

Были 90-х. Т. 1. Как мы выживали / авт.-сост. А. Маринина. М.: ЭКСМО-пресс, 2017. 352 с.

Были 90-х. Т. 2. Эпоха лихой святости / авт.-сост. А. Маринина. М.: ЭКСМО-пресс, 2018. 384 с.

Власов Ю.В. Россия 90-х: младореформаторы о первом опыте демократических реформ [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/10> (дата обращения: 16.05.2022).

Гребень О., Агеева К. Восприятие «девяностых» [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск Левада-Центра, 6.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (дата обращения: 16.05.2022).

- Коган Д.Л. Лучшие годы российской истории [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/349> (дата обращения: 16.05.2022).
- Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 116–133.
- Лесневская О.В. Прощай, XX век! Гл. 8 [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/366> (дата обращения: 16.05.2022).
- Лесневская О.В. Прощай, XX век! Гл. 16 [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/374> (дата обращения: 16.05.2022).
- Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158.
- Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69.
- Малинова О.Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 91–105.
- Малинова О.Ю. Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // Вестник Перм. ун-та. Политология. 2020. Т. 14, № 2. С. 53–63.
- Мерзлякова В.Н. Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 8. С. 289–302.
- Миллер А.И., Малинова О.Ю. После конференции о памяти 1990-х: диалог // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 3. С. 6–12.
- Мишина Е.А. Путч [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/47> (дата обращения: 16.05.2022).
- Никита Михалков против Ельцин Центра: как развивался конфликт [Электронный ресурс] // Сайт ТАСС. 12.12.2016. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3863882> (дата обращения: 16.05.2022).
- Синельникова Е.С., Зиновьева Е.В. Историческая память о 90-х годах XX века в России: психологические аспекты // Вестник Моск. ун-та. Психология. 2018. № 4. С. 74–88.
- Сорокин А.И. Из дневника сотрудника Большого театра: Москва 1990–1993 [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/2> (дата обращения: 16.05.2022).
- Суслов А.Б., Шуйская Е.В. Школьные учебники о демократическом транзите в России в 1990-е гг. // Известия Алт. гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2020. № 6 (116). С. 68–72.
- Утехин И.В. Визуальные образы 1990-х в Инстаграме: коммерциализация ностальгии // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 3. С. 60–72.
- Чернова И.А. Мои девяностые. Часть 1. Время надежд, интересной работы и реальных перемен [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/400> (дата обращения: 16.05.2022).
- Энгстрем М. Ресайклинг позднесоветской контркультуры и новая эстетика «второго мира» // Новое литературное обозрение. 2021. № 3. С. 70–88.
- Яндиев М.М. Начало краткой истории демократии в России [Электронный ресурс] // Пишем историю сами: портал. URL: <https://memory.history90.ru/show/36> (дата обращения: 16.05.2022).
- Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 109–118.
- Bell J.A. Museums as Relational Entities: The Politics and Poetics of Heritage // Reviews in Anthropology. 2012. Vol. 41, no. 1. P. 70–92.
- Boele O. “Perestroika and the 1990s – Those Were the Best Years of My Life!” Nostalgia for the Post-Soviet Limbo // Post-Soviet Nostalgia Confronting the Empire’s Legacies / eds. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. Routledge, 2019. P. 203–223.
- Gorbachev O. The Namedni Project and the Evolution of Nostalgia in Post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes. 2015. Vol. 57, no. 3-4. P. 180–194.
- Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick: Transaction Publishers, 1994. 214 p.
- Janack J.A. The Future’s Foundation in a Contested Past: Nostalgia and Dystalgia in the 1996 Russian Presidential Campaign // Southern Communication Journal. 1999. Vol. 65, no. 1. P. 34–48.

- Khazanov A.M.* Selecting the Past: the Politics of Memory in Moscow's History Museums // *City & Society*. 2000. Vol. 12, no. 2. P. 35–62.
- Makhortykh M.* #givemebackmy90s: Memories of the First Post-Soviet Decade in Russia on Instagram and TikTok // *Cultures on History Forum*. 28 Jun 2021. URL: <https://www.cultures-of-history.unijena.de/exhibitions/givemebackmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (accessed: 19.05.2022).
- Malinova O.* Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime // *Problems of Post-Communism*. 2021. Vol. 68, no. 5. P. 429–441.
- Nora P.* General Introduction: Between Memory and History // *Realms of Memory. Rethinking the French Past*. Vol. 1. Conflicts and Divisions / Under the Direction of Pierre Nora; Transl. by Arthur Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1–23.
- Norris S.M.* From Communist Museums to Museums of Communism. An Introduction // *Museums of Communism* / ed. by S.M. Norris. Bloomington: Indiana University Press. 2020. P. 1–16.
- Olick J.* Collective Memory: Two Cultures // *Sociological Theory*. 1999. Vol. 17, no. 3. P. 333–348.
- Schimpfössl E., Yablokov I.* Power Lost and Freedom Relinquished: Russian Journalists Assessing the First Post-Soviet Decade // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76, no. 3. P. 526–541.
- Sharafutdinova G.* The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity. Oxford: Oxford University Press, 2020. 237 p.
- Sharafutdinova G.* Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia // *Problems of Post-Communism*. 2020. 02 November.
- Smith K.E.* Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca etc.: Cornell University Press, 2002. 223 p.
- Wertsch J.V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 202 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 04.09.2021

SIGNS OF THE TIME: MEMORY ABOUT MASS POLITICS OF THE 1990s IN THE EXPOSITIONS OF RUSSIAN MUSEUMS

O. Yu. Malinova

National Research University “Higher School of Economics”, Myasnikaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
omalinova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-2754-8055
ResearcherID: J-7893-2015
Scopus AuthorID: 22934758000

The article explores framing of collective memory about the 1990s in two Russian museums of political history. It provides a comparative analysis of the expositions of the State Central Museum of Contemporary History of Russia (SCMCHR) in Moscow and the Museum of Boris Yeltsin (MBY) in Yeltsin Center in Ekaterinburg, with a focus on material objects representing the mass politics. The comparative analysis of material objects presented in the two museums is supplemented by the observations derived from memoirs of “the ordinary” people. It helps to reconstruct the stories that might be triggered by the objects at display, and to reveal some lacunas and inconsistencies in the expositions. The expositions of SCMCHR and MBY are evidently different, which is determined by their missions and narratives. SCMCHR presents a broader spectrum of political and social perspectives and pays more attention to the negative aspects of the 1990s. The exposition of MBY is focused on the figure of Russia's first president, who is presented as the leader who brought people freedom. This allows the authors of the exhibition to provide less space for the voices of “ordinary people” and emphasizes positive aspects of the 1990s. In spite of the differences, both expositions provide multidimensional stories that go beyond the stereotypes exploited in political discourses. They illustrate not only the economic difficulties and political turbulences of the 1990s, but also the mass support for the expected changes and new opportunities for social activities. This is particularly true for the case of mass politics, as both expositions provide evidence of political freedoms incomparable to that in Putin's Russia.

Key words: cultural memory, social memory, memory about the 1990s, museification, mass politics.

Acknowledgments

¹ The reported study was supported by the Faculty of Social Sciences of the National Research University “Higher School of Economics”.

References

- Abramov, R. & A.A. Chistiakova (2012), "The nostalgic representations of the late Soviet period in media projects of L. Parfenov", *Mezhdunarodnyy zhurnal issledivaniy kultury*, vol. 6, № 1, pp. 52–58.
- Anikin, D.A. (2021), "The point of (non)return: the collapse of the USSR and formation of new Russia in the memorial discourse of ROC", *Tempus et Memoria*, vol. 2, № 3, pp. 27–35.
- Assman, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 328 p.
- Assmann, J. (2008), "Communicative and Cultural Memory", in Erll, A. & A. Nünning (eds.), *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany; New York, USA, pp. 109–118.
- Bell, J.A. (2012) "Museums as Relational Entities: The Politics and Poetics of Heritage", *Reviews in Anthropology*, vol. 41, no.1, pp. 70–92.
- Boele, O. (2019) "«Perestroika and the 1990s – Those Were the Best Years of My Life!» Nostalgia for the Post-Soviet Limbo", in Boele, O., Noordenbos, B. & K. Robbe (eds.), *Post-Soviet Nostalgia Confronting the Empire's Legacies*, Routledge, London, UK, pp. 203–223.
- Bolotnikov, V. (n.d.), "My 1990s", website *Pishem istoriyu sami* [We're writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/117> (accessed 16.05.2022).
- Bonch-Osmolovskaya, A. (2018), "The Names of Time: Epithets of Decades in the National Corpus of Russian language as Projection of Cultural Memory", *Shagi – Steps*, vol. 4, № 3–4, pp. 115–146.
- Chernova, I.A. (n.d.), "My 1990s. Part 1. The time of hope, interesting work and real changes", website *Pishem istoriyu sami* [We're writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/400> (accessed 16.05.2022).
- Engström, M. (2021), "Recycling of the Post-Soviet Counterculture, and the New Aesthetics of the "Second World", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 3, pp. 70–88.
- Gorbachev, O. (2015), "The *Namedni* project and the evolution of nostalgia in post-Soviet Russia", *Canadian Slavonic Papers/Revue canadienne des slavistes*, vol. 57, № 3–4, pp. 180–194.
- Greben', O. & K. Agepeeva (2020), "Perceptions of the 1990s", *Levada Center*, 6.04.2020, available at: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (accessed 16.05.2022).
- Irwin-Zarecka, I. (1994), *Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory*, Transaction Publishers, New Brunswick etc., Russia, xiv, 214 p.
- Janack, J.A. (1999), "The future's foundation in a contested past: Nostalgia and Dystalgia in the 1996 Russian Presidential Campaign", *Southern Communication Journal*, vol. 65, № 1, pp. 34–48.
- Khazanov, A.M. (2000) "Selecting the Past: the politics of memory in Moscow's history museums", *City & Society*, vol. 12, № 2, pp. 35–62.
- Kogan, D.L. (n.d.), "The best years of Russian history", website *Pishem istoriyu sami* [We're writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/349> (accessed 16.05.2022).
- Latov, Yu.V. (2018), "Paradoxes of memory of the recent past: USSR under Brezhnev, Russia under Yeltsin and Putin in perception of the current generation of Russians", *Polis. Potiticheskie issledovaniya*, № 5, pp. 116–133.
- Lesnevskaya, O.V. (n.d.), "Proschay, XX vek! Chapter 16", website *Pishem istoriyu sami* [We're writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/374> (accessed 16.05.2022).
- Lesnevskaya, O.V. (n.d.), "Proschay, XX vek! Chapter 8", website *Pishem istoriyu sami* [We're writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/366> (accessed 16.05.2022).
- Makhortykh, M. (2021), "#givemebckmy90s: memories of the first post-Soviet decade in Russia on Instagram and TikTok", *Cultures on History Forum*, 28 Jun 2021, available at: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/exhibitions/givemebckmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (assessed 19.05.2022).
- Malinova, O. (2021), "Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime", *Problems of Post-Communism*, Vol. 68, № 5, pp. 429–441.
- Malinova, O.Yu. (2016), "The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: from the 1990s to the 2000s", *Polis. Potiticheskie issledovaniya*, № 6, pp. 139–158.
- Malinova, O.Yu. (2018), "Justifying the political course of the 2000s and constructing the myth about "the hard nineties" in Vladimir Putin's discourse", *Politicheskaya nauka*, № 3, pp. 45–69.
- Malinova, O.Yu. (2019), "Framing memory about the reforms of the 1990s in the liberal discourse in the 2000s", *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, № 3, pp. 91–105.
- Malinova, O.Yu. (2020), "The issue of "the hard 1990s" in discourses of Russian communists and national-patriots", *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 14, № 2, pp. 53–63.
- Marinina, A. (ed.) (2017), *Byli 90-kh* [The real stories of the 1990s], Vol. 1. Kakh my vyzhivali [How we survived], Eksmo Press, Moscow, Russia, 352 p.
- Marinina, A. (ed.) (2018), *Byli 90-kh* [The real stories of the 1990s], Vol. 2. Epokha likhoi sviatosti [The epoch of dash sainthood], Eksmo Press, Moscow, Russia, 384 p.

- Merzlyakova, V.N. (2019), “Mediatization of the collective memory of the 1990s in RuNet”, *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya”*, № 8, pp. 289–302.
- Miller, A.I. & O.Yu. Malinova (2021), “After a conference about memory of the 1990s: a dialogue”, *Tempus et Memoria*, № 3, pp. 6–12.
- Mishina, E.A. (n.d.), “Coup d’état”, website *Pishem istoriyu sami* [We’re writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/47> (accessed 16.05.2022).
- “Nikita Mikhalkov protiv “Yeltsin Tsentra”: kak razvivalsya conflict” (2016), *website of TASS*, 12.12.2016, available at: <https://tass.ru/obschestvo/3863882> (accessed 16.05.2022).
- Nora, P. (1996), “General Introduction: Between Memory and History”, in Pierre, N. (ed.), *Realms of Memory. Rethinking the French Past*. Vol. 1. Conflicts and Divisions, Columbia University Press, New York, USA, pp. 1–23.
- Norris, S.M. (2020), “From Communist Museums to Museums of Communism. An Introduction”, in Norris, S.M. (ed.), *Museums of Communism*, Indiana University Press, Bloomington, USA, pp. 1–16.
- Olick, J. (1999), “Collective Memory: Two Cultures”, *Sociological Theory*, vol. 17, № 3, pp. 333–348.
- Schimpfössl, E. & I. Yablokov (2017), “Power Lost and Freedom Relinquished: Russian Journalists Assessing the First Post-Soviet Decade”, *The Russian Review*, vol. 76, № 3, pp. 526–541.
- Sharafutdinova, G. (2020a), *The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity*, Oxford University Press, Oxford, UK, xv, 237 p.
- Sharafutdinova, G. (2020b), “Public opinion formation and group identity: the politics of national identity salience in post-Crimea Russia”, *Problems of Post-Communism*, published online: 02 Nov 2020, DOI: 10.1080/10758216.2020.1829975.
- Sinelnikova, E.S. & E.V. Zinovyeva (2018), “Historical memory of the 1990s in Russia”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, № 4, pp. 74–88.
- Smith, K.E. (2002), *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*, Cornell University Press, Ithaca etc., USA, xi, 223 p.
- Sorokin, A.I. (n.d.), “From the diary of an employee of the Bolshoi Theatre: Moscow in 1990–1993”, website *Pishem istoriyu sami* [We’re writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/2> (accessed 16.05.2022).
- Suslov, A.B. & E.V. Shuyskaya (2020), “Democratic transition in Russia in the 1990s in textbooks on Russian history”, *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i archeologiya*, № 6 (116), pp. 68–72.
- Utekhin, I. V. (2021), “The visual images of the 1990s in Instagram: a commercialization of nostalgia”, *Tempus et Memoria*, 2, № 3, pp. 60–72.
- Vlasov, Yu.B. (n.d.), “Russia in the 1990s: The Young reformers about the first experience of democratic reforms”, website *Pishem istoriyu sami* [We’re writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/10> (accessed 16.05.2022).
- Wertsch, J.V. (2002), *Voices of Collective Remembering*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 202 p.
- Yandiev, M.M. (n.d.), “The beginning of short history of democracy in Russia”, website *Pishem istoriyu sami* [We’re writing history by ourselves], available at: <https://memory.history90.ru/show/36> (accessed 16.05.2022).